

Ю. ГРАДСКОВА

Новая идеология семьи и ее особенности в России

Проблема взаимоотношений семьи и общества является одной из важных тем современных дискуссий о будущем российских реформ. Пик дискуссий на эту тему пришелся на середину 80-х годов и был связан с кампанией гласности и попытками реформирования социализма. Несмотря на то что в последние несколько лет дискуссии по общественным проблемам оказались отнесенными на задний план дискуссиями чисто экономического или политического характера, необходимость изучения проблем семьи и перспектив ее развития продолжает оставаться острой.

Каковы основные направления изменений во взглядах на семью с точки зрения их соответствия правам и интересам женщины? В какой мере новые идеи в отношении семьи, распространяющиеся в российском обществе, совпадают с общемировыми изменениями, а в какой это чисто российское явление? В качестве источника для такого сравнения предлагаю использовать критическую публикацию американского социолога К. Струенинг, посвященную концепции новой семьи (*New Familialism*) в США. По моему мнению, такие факторы, как наличие в 70-е годы сильного феминистского движения в США одновременно с его практическим отсутствием в Советском Союзе, а также влияние тоталитаризма на роль семьи в Советском Союзе, способствовали формированию существенных отличий в проявлении идеологии новой семьи в двух странах и в ее последствиях.

Идеология, ставящая семью на вершину ценностной иерархии и известная под названием *New Familialism*, получила распространение в США в конце 80-х годов. Новое направление общественной мысли провозглашает необходимость возвращения к традиционной структуре семьи вместе с предоставлением семье ведущего места в иерархии общественных ценностей. При этом под нетрадиционной семьей в Америке, в отличие от России (где это понятие уже), понимается как семья с одним родителем вследствие развода или внебрачных рождений, так и семьи, образованные вследствие повторного брака и с приемными детьми. Общим в точках зрения сторонников защиты семьи в России и Америке является совпадение взглядов на нетрадиционную семью как источник асоциального поведения детей: рост алкоголизма, преступности, использования наркотиков. По их мнению, нетрадиционная семья способствует также росту членов общества, живущих за счет государственных пособий. Струенинг отмечает, что уменьшение реального веса семей с двумя родителями "ответственно" за многие наиболее сложные общественные проблемы и требуется государственная политика, направленная на стимулирование стабильности семьи и ограничение внебрачных рождений [1].

Сходная постановка вопроса была популярна в России и находилась в центре общественного внимания в последние годы существования Советского Союза. В книге "Перестройка и новое мышление" М. Горбачев, с моей точки зрения, лишь выразил с высокой трибуны широко распространенное мнение, заявив: "Мы как бы упустили из виду специфические права и потребности женщины, связанные с ее ролью матери, хозяйки семьи... И оказалось, что многие беды - и в поведении детей и молодежи, и в вопросах общественной нравственности, культуры, да и на производстве - связаны с ослаблением семейных уз, девальвацией семейного долга" [2].

Мы можем предположить, что стремление к возрождению традиционных семейных ролей в России и восстановлению семьи как особой ценности не является исключительно следствием преодоления существовавшего в период государственного социализма тоталитарного контроля за частной жизнью граждан в сочетании с всеобщей обязанностью трудиться, а может быть рассмотрено в общем контексте мирового развития культуры. Острота сопротивления новой идеологии семьи со стороны определенной части американского общества (не только профеминистски настроенной, но и малоимущей части населения) также показывает несостоятельность широко распространенного в России мнения об идентичности понятий "возрождение традиционной семьи" и "возвращение к нормальному цивилизованному обществу".

Новое обращение к ценностям семьи, хотя изначально и вызванное к жизни глобальными структурными изменениями, неизбежно по-разному выражается в странах, столь отличающихся историей, культурой и экономическим развитием. Очевидно, традиционная американская семья, основанная на четком распределении ролей и руководствующаяся протестантской этикой, претерпела значительные изменения в последние три десятилетия под влиянием феминистского движения. Таким образом, представители поколения, активно выступившего в 60-е годы против двойного стандарта в частной и общественной жизни и за равные с мужчинами условия и оплату труда (примером феминистской критики американской реальности может служить недавно переведенная на русский язык книга активной участницы феминистского движения Б. Фридан [3]), продолжают играть существенную роль в современной общественной и культурной жизни США.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что несмотря на крайний радикализм американского феминизма 60-х годов и существенные изменения стереотипов американского сознания в отношении женщины, радикальный феминизм, как и всякое *радикальное* движение, не стал, да и не мог стать основной идеологией американских женщин из среднего класса. Огромное большинство американских женщин в 70-80-е годы не отказались от семьи во имя работы, не перестали использовать косметику и руководствоваться "этикой заботы", хорошо изученной и описанной американскими социологами-феминистками [4]. Наиболее значительным следствием влияния радикального феминизма 60-х годов на современное поколение американцев стало, на мой взгляд, то, что можно назвать условиями "заключения семейного договора". В данном случае я использую термин "семейный договор" как условное понятие, не предполагающее наличие договора не только в письменном, но часто и в устном виде. Такой договор обычно включает в себя взаимные обязательства, роли и кодекс поведения супругов в будущей семейной жизни [5].

В центре феминистской критики 60-х годов находилась система социализации представительниц среднего класса, препятствующая ориентации на карьеру и соперничество с мужчинами в профессиональной области, что фактически обрекало женщину на однообразную и второстепенную роль домохозяйки. Несоответствие реальной жизни средней американской домохозяйки и матери ее завышенным ожиданиям от замужества и материнства, отсутствие возможностей для личностного развития в конечном итоге отрицательно сказывались как на самооценке женщин, так и на их взаимоотношениях с детьми [3]. Результатом деятельности феминистского движения стало изначально взаимное (гласное или негласное) принятие более эгалитарного распределения ролей, прав и обязанностей в семье. Поэтому традиционная американская семья, которая с точки зрения радикального феминизма не перестала быть традиционной по своей сути, существенно изменилась. Это, в свою очередь, неизбежно повысило уровень общей толерантности общества к возможным отклонениям от традиционной семьи (в том числе к семьям с одним родителем и к гомосексуальным семьям).

Появление *New Familialism* в Америке можно рассматривать как новое течение, направленное против радикального феминизма или, иными словами, как отсроченную реакцию на феминизм. Однако, как следует из анализа Струенинг, новая семейная идеология вынуждена считаться с серьезными изменениями, произошедшими в массовом сознании американцев под влиянием феминизма, и вряд ли стремится к их полной отмене.

По мнению исследовательницы, аргументация сторонников этого направления не может пониматься как однозначно реакционное утверждение, что "дом является единственным подходящим местом для женщины". Большинство женщин считают, что многие из них хотя бы в течение нескольких лет своей взрослой жизни столкнутся с необходимостью работать вне дома. Эта необходимость часто совпадает с их желанием. Поэтому наиболее подходящее определение данной идеологии должно быть связано с понятием коммунитарности, так как сочетает в себе задачу восстановления морального дискурса внутри либеральной политической

теории и критику индивидуализма со стремлением к упрочению семьи, соседской и религиозной общин [1].

Нарастание опасных тенденций в развитии семьи и общества в США связано, по мнению представителей течения, с приданием чересчур большого значения принципам личной свободы в последние 30 лет, с широким распространением утрированного индивидуализма. Для нормального развития американского общества необходимо хотя бы приблизительное восстановление традиционных ролей мужчины-кормильца и женщины-хранительницы очага, а также прежнего уважения к браку как таковому [1, с. 143, 146].

Ситуация, сложившаяся в современной России, существенно отличается от американской по трем параметрам: конкретно-практическому, политическому и историческому. Прежде всего я имею в виду сочетание эгалитарных установок в Советском Союзе с тотальным контролем за общественной жизнью, дискредитацию вследствие краха социализма всех общественно-политических моделей, имеющих отношение к теории равенства, существенную временную дистанцию, отделяющую идеализируемую традиционную семью от современной. В течение 70 лет право женщин на труд наравне с мужчинами продолжало оставаться центральным пунктом советской пропаганды. Естественно, все, кто участвует сегодня в выработке новой семейной идеологии, - представители поколения, не имеющего опыта жизни в традиционной семье, полностью свободной от советских стереотипов.

К историческим параметрам относятся особенности российской "традиционной" дореволюционной семьи как семьи, в значительно большей степени характерной для прединдустриального, чем индустриального общества. Основы такой семьи - совместное проживание трех поколений и особая роль старшего поколения в управлении семейными делами. Результат того, что крестьянская община и старшее поколение обладали значительной долей власти, - отсутствие столь сильных противоречий в распределении власти по тендерному принципу, которые можно найти в американской семье XIX - начала XX века.

Социалистическая пропаганда равноправия мужчин и женщин фактически сохранила многие черты традиционной семьи, закрепив двойную нагрузку и двойной моральный стандарт для женщин и одновременно в значительной степени снизив вероятность возникновения сильного женского движения "антимужской" направленности даже после падения тоталитарного режима. 70-летняя привычка восприятия декларируемого равенства мужчин и женщин как нечто само собой разумеющегося - очевидно, наиболее важный фактор, влияющий на отличие российского подхода к проблемам семьи от американского.

Из приведенных цитат видно, что внешние причины для появления новой идеологии семьи и основные моменты в критике социальной действительности ее сторонниками в значительной степени адекватны отечественной критике состояния позднего советского и постсоветского общества [6-8]. Однако в силу упомянутых выше различий политической и социальной истории глубина критики и сила неприятия современного порядка, а также (что наиболее важно) возможные последствия пропаганды традиционной семьи в России существенно отличаются от американских.

Как известно, в процессе открытых дискуссий конца 60-х - начала 70-х годов в США в сознании широких слоев населения укрепились такие понятия и принципы, как признание свободы образования "личных объединений" (*intimate asociton*), неприятие авторитарной организации традиционной пуританской семьи, решающая роль семьи в воспитании у подрастающего поколения важных для американской демократии ценностей (независимость, верность, упорство и самоконтроль) [1, с. 140, 145]. Статья Струенинг лишний раз подтверждает: наличие в общественном мнении Америки консенсуса в отношении базовых принципов свободы личности и мощных феминистских организаций, представляющих собой сильное политическое лобби, способствует тому, что *New Familialism* не произведет "революционных" изменений в повседневной жизни значительной части американцев. Основными пунктами феминистской критики этого течения в США является пренебрежение со стороны его представителей тем фактом, что увеличение нестабильности семей сочеталось с увеличением возможностей для создания семей или объединений, в максимальной степени соответствовавших потребностям их членов, а также тем, что главная задача общества - создание условий, при которых все семьи, независимо от их состава, могут иметь необходимые средства к существованию и где обязанности по воспитанию детей в равной степени распределены между мужчинами и женщинами [1, с. 149, 150].

Распространение идей традиционной семьи в России, тоже по-своему закономерное [9], может привести к более глубоким и опасным последствиям. Прежде всего необходимо отметить такие особенности этого движения в России, как обратное ситуации тотального

контроля стремление максимального обособления частной жизни и минимизация общественного влияния на детей (вплоть до отказа посылать детей в школу и защиты исключительно домашнего воспитания) при полном отсутствии каких-либо попыток пересмотра традиционных тендерных стереотипов в отношении распределения домашней работы и воспитания детей. Так, по данным опросов, проведенных московским социологом Евг. Ашильдиевой, "в сознании подростков полностью сохраняется дискриминационное разделение домашней работы на женскую и мужскую" [10, с. 91].

Вместе с сохранением высоких ориентаций на семью как у мужчин, так и у женщин России (для 83% девушек и 73% юношей семья представляется важнейшей ценностью) [10, с. 92] и стремлением большинства женщин получить образование и профессию, это отражает, скорее, не тенденцию к уходу женщины в домашнее хозяйство и воспитание детей, а попытку продолжить совмещение двух ролей при неизменности внутрисемейного распределения обязанностей. Эти тенденции усугубляются еще двумя факторами. Первый связан с тем, что в реальной экономической и политической ситуации рыночных реформ лозунг возвращения женщин домой нередко служит ширмой для скрытой безработицы. Второй фактор - отсутствие автономного и мощного женского политического движения. Следствиями этого являются феминизация бедности, сохранение необходимости женского труда для материального обеспечения семьи вместе с существенным снижением общественной оценки женского труда как такового. Знаменательно, что даже такой сторонник возрождения российских традиций, как А. Солженицын, вынужден был отметить в 1990 году: несмотря на то что женщина должна иметь право вернуться в семью и воспитывать детей, это вряд ли будет возможно в первое время, ибо некоторые семьи будут счастливы тем, что хотя бы жена работает [11]. При таких условиях возможность личностного развития и уровень самооценки женщины существенно снижаются.

Приведенные факторы дополняются мощной пропагандой православной системы ценностей, делающей основной акцент на традиционной семье. Так, в популярном издании "Христианской психологии", написанной психологом и священником Б. Ничипоровым, можно найти довольно стройное изложение концепции христианского воспитания, направленного на восстановление традиционной семьи. В соответствии с этой концепцией главным для девушки должен быть идеал "добропорядочной жены и заботливой матери", условиями реализации которого является воспитание целомудрия, терпеливости, жалости и домашности [12]. Подобная установка на культивирование женской терпеливости и заботливости неизбежно должна оказать некоторое положительное влияние на общество, поглощенное страстями "первоначального накопления" и характеризующееся возрастающим количеством уголовных преступлений против личности. Однако подобная интерпретация христианской морали часто означает усиление морального осуждения любого поведения и стиля жизни, не укладывающегося в описанные рамки.

При отсутствии традиций и навыков развития гражданских ассоциаций, способных представлять интересы меньшинств (а именно к ним должны относиться матери-одиночки, разведенные и одинокие женщины, занимающиеся профессиональной деятельностью), женщины в целом будут испытывать более жесткий (как по сравнению с их прежним положением, так и по сравнению с мужчинами) моральный контроль со стороны общества, что может отрицательно повлиять на их профессиональную деятельность и личностное развитие. Стремление следовать модели "идеальной жены и матери" также может привести к усилению стресса и депрессивных состояний для немалого числа женщин.

Подводя итоги, можно сказать, что в современной России изначальные условия заключения "семейного договора" отличаются от американских прежде всего отсутствием социальных и экономических условий, необходимых для реализации модели "традиционной семьи". Другая отличительная черта российского договора - высокий уровень идеализации брака и материнства, усиленный ожиданиями превращения России в "нормальную, цивилизованную страну" и мифом о "благополучной традиционной семье" на Западе.

Что касается перспектив распространения идеологии новой семьи в России, то, видимо, будет большим преувеличением говорить о скором переходе к традиционной семье, основанной на принципах православной церкви. С одной стороны, православная церковь, в отличие от других христианских церквей, не обладает законченной идеологией семьи, модернизированной в соответствии с достижениями общественного и научного развития конца XX века, что превращает обращение огромной части россиян к религиозным ценностям в поверхностную обрядность. С другой стороны, 70 лет декларированного равенства, на мой взгляд, оставили существенный след в тендерном сознании жителей России. Такие факторы, как возможность получения равного с мужчинами образования, экономическая независимость от мужа и обладание большинством женщин профессиональными знаниями, будут играть значительную

роль в процессе взаимной "адаптации" идей нового течения и "ценностей православия". Именно эти факторы могут оказаться решающими при ограниченном приятии "новых" ценностей и установок значительной частью общества.

Таким образом, появление идеологии *New Familialism* в России - закономерное следствие многолетних попыток тоталитарного руководства частной жизнью, что в значительной степени определяет ее особенности в России. Однако дальнейшая радикализация этой идеологии и возведение ее в ранг государственной могут привести к существенному ущемлению прав женщин. Кроме того, новый поворот к семейным ценностям, пропаганда которого неизбежно сочетается с пропагандой более авторитарного типа внутрисемейных отношений, может оказать существенное негативное влияние на развитие демократического процесса в России. Демократическая система не является устойчивой до тех пор, пока не будет достигнут определенный уровень гармонии между государственными институтами и гражданским обществом, что в значительной степени связано с развитием гражданской (демократической) политической культуры членов последнего. Как известно из обширной социологической и психологической литературы [13], формирование гражданской политической культуры начинается именно в семье, гарантирующей уважение личных прав всех ее членов. Преобладание тенденции культивирования семьи, не предоставляющей своим членом относительно равных возможностей для саморазвития и построения по принципу иерархического распределения власти в соответствии с тендерными стереотипами, может, в свою очередь, способствовать новому росту патерналистских и авторитарных настроений в обществе в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sruening K.* Feminist Challenges to the New Familialism: Lifestyle Experimentation and the Freedom of Intimate Association // *Nypatia*. 1996. Winter. Vol. 11. № 1.
2. *Горбачев М.* Перестройка и новое мышление. М., 1989. С. 117.
3. *Фридан Б.* Загадка женщины. М., 1994.
4. *Lorabee M.J.* An ethic of care. New York-London, 1993.
5. *Козлов Н.* Практическая психология на каждый день. М., 1994.
6. Новое время. М., 1988. № 37.
7. Советская Россия. 1988. 8 дек.
8. Труд. 1993. 9 июня.
9. *Women of Russia: a New Era of Feminism.* London-New York, 1994.
10. *Ашильдиева Е.* Девочки-подростки: самооценка и взгляд в будущее // *Женщины России: вчера, сегодня, завтра.* М., 1994.
11. *Солженицын А.* Как нам обустроить Россию. Париж, 1990. С. 21.
12. *Ничипоров Б.В.* Введение в христианскую психологию. М., 1994. С. 166-168.
13. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity. Cambridge, 1991.

© Ю. Градскова, 1997